

Панкова Л.А.,

*кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

СМЕХ КАК ФЕНОМЕН БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

*«Горький, холодный и – ха! ха! – безрадостный.
Горький – высмеивает зло, это – этический смех.
Холодный – высмеивает ложь, это – интеллектуальный
смех <...> Однако безрадостный смех – это смех
дианоэтический <...> Это – наивысший смех, risus purus,
смех, смеющийся над самим смехом, созерцательный,
остроумнейший, одним словом ... смеющийся над несчастьем».*

Сэмюэл Бэкетт

Аннотация. В статье осуществляется попытка выявления сущности смеха как феномена человеческого существования путем анализа философской традиции изучения категории комического. Автор статьи опирается на теоретическое осмысление категории комического в концепциях таких мыслителей как Платон, Аристотель, Гегель, Шопенгауэр, Бергсон, Маркс и др.

Ключевые слова: смех, комичное, ирония, юмор, сознание, бытие человека, бытие общества.

Смех является постоянным спутником человека в его повседневной жизни. Но что стоит за этим, на первый взгляд, несерьёзным явлением? На этот вопрос с древних времён пытаются ответить выдающиеся мыслители, представляющие различные отрасли знания: философы и культурологи, филологи, историки, биологи, психологи, социологи. Единственное, что в результате удаётся констатировать с достоверностью — невероятная сложность и многоплановость смеха как феномена существования человека и общества.

В изучении смеха необходимо отталкиваться от его сущности, поскольку формы его проявления чрезвычайно разнообразны. Феноменальный уровень изучения смеха, позволяющий приблизиться к раскрытию его сущности, предоставляет философское знание в силу всеобщности и универсальности. Величайшие философские умы уделяли внимание осмыслению смеха как феномена человеческой жизни, что говорит о серьёзности проблемы.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью связать традицию философского исследования смеха с осмыслением роли смеха в современном обществе.

Целью статьи является выявление сущностных характеристик смеха как феномена человеческого бытия путём анализа философской традиции изучения категории «комического».

Теоретическое осмысление категории «комического» представляет собой сложную проблему в силу социокультурной обусловленности комизма,

его зависимости от конкретно-исторических условий, смыслов, ценностей. Комизм всегда рефлексивен, т.е. связан с осмыслением, самоанализом, а качественное содержание комической рефлексии всегда исторично. Именно поэтому создание единой, целостной теории «комического» едва ли возможно, поскольку всегда могут обнаружиться факты конкретной реализации комического, не поддающиеся описанию в рамках определённой теории. Сущность комизма ускользает от фиксации. Тем не менее, в истории философской мысли существует множество концепций «комического», каждой из которых, на наш взгляд, удалось зафиксировать и описать отдельные сущностные признаки и основания комического.

Первая концепция «смеха» как философско-эстетической категории принадлежит Аристотелю [1]. Аристотель разрабатывал проблемы комического катарсиса, соотношения комического и трагического, он также ставил вопрос об онтологическом статусе смеха. Постановка проблемы комического была осуществлена Аристотелем в его «Поэтике», где рассматривалась не только трагедия, но и комедия. Однако часть «Поэтики», посвящённая комедии не сохранилась, и современный исследователь располагает только некоторыми замечаниями о комедии в первой части «Поэтики». Именно здесь содержится знаменитое определение, данное Аристотелем комедии и смешному. Согласно этому определению, смешное представляет собой некоторую ошибку и уродство, но безболезненное и безвредное. Именно этот принцип у Аристотеля определяет границы комического.

Сущность «комического» как эстетической категории Аристотель представляет в отчётливом структурном виде. И эта структура сходна и для комедии и для трагедии, в основе которых лежит мимезис, то есть подражание. Оба жанра должны обладать совершенным размером, разыгрываться в действии. Сопоставляя трагедию и комедию, Аристотель следовал Платону, который в диалоге «Пир» устами Сократа утверждал, что «один и тот же человек должен уметь сочинить и комедию и трагедию и

что искусный трагический поэт является также и поэтом комическим» [2].

Катарсис свойственен и трагедии, и комедии. Комический катарсис связан с ритуально-мистериальными формами смеха. Известно, что определённого рода «очищением» в Древней Греции завершались оргии бога плодородия и виноделия Диониса или оргии корибантов — служителей богини плодородия фригийского происхождения Кибелы. Особого рода «очищение» было и в культе бога врачевания Асклепия. Существовала древняя практика очищения преступников, особенно «осквернённых» убийством родных, посредством смехового ритуала. Такого рода очищение мало зависело от воли и сознания преступника. Преступление понималось в античной Греции как осквернение. А.Ф. Лосев называет подобные обряды отдалёнными предшественниками аристотелевского катарсиса [3].

Разработанная Аристотелем концепция «комического» оказала значительное влияние на всю последующую традицию теоретического осмысления феномена смеха. Серьёзную философскую разработку теория комического получает в XIX — XX вв. в работах И. Канта, братьев Шлегелей, Ф. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, А. Бергсона и прочих.

Суть кантовского понимания смеха выражена в следующей мысли, изложенной на страницах «Критики способности суждения». По мнению Канта, во всём, что вызывает весёлый неудержимый смех, должно быть нечто нелепое (в чём, следовательно, рассудок сам по себе не может находить никакого удовольствия). Смех есть эффект от внезапного превращения напряжённого ожидания в ничто [4]. Природа смешного, по Канту, противоречива, поскольку нелепость, вызывающая смех, не доставляет человеческому рассудку никакого удовольствия, но при этом смех вызывает такое телесное движение, которое сопровождается мгновенной радостью. Такое движение полезно для здоровья, поскольку, наряду с надеждой и сном, противостоит жизненным трудностям. Кант, таким образом, пытается проанализировать механизм смеха и представляет его как преобразование «обманутого ожидания» рассудка, разрешающегося в «ничто», в мгновенную живую телесную радость. Термин «комическое» Кант при этом не использует.

Теоретическому осмыслению природы комического посвятили себя некоторые представители Йенского кружка немецких романтиков, в частности, братья Фридрих и Август Шлегели. Ф. Шлегель разрабатывает категорию «романтической иронии», которую понимает предельно широко — как универсальный принцип мирозерцания, как настроение, бесконечно возвышающееся над всем обусловленным. Ирония состоит в родстве с философией. Философия — это подлинная родина иронии, которую можно было бы назвать логической красотой. Ирония универсальна и парадоксальна, благодаря её способности охватывать противоположности. Иронический дух, по Шлегелю, пребывает в состоянии вечного разделения и соединения противоположностей. Ирония в этом смысле приближается к диалектике и противостоит

рассудку, с его догматичной способностью отражать мир фрагментарно и однобоко [5].

В философско-эстетической концепции А. Шлегеля комический идеал противопоставит серьёзному идеалу, при этом серьёзное связывается с целесообразностью, а комическое — с хаотичностью и полной свободой душевных сил. Комедия тем более оправдывает своё название, чем шире применяются в дело эти душевные силы и чем правдоподобнее становится видимость бесцельной игры и неограниченного произвола. Однако внутренняя свобода в трагедии и комедии носит различный характер. Трагедия предполагает морально-нравственную оценку действительности, в то время как комедия сводится к «игре без цели», когда подавляемые нравственностью животные желания вырываются наружу.

Способность комедии уничтожать страх перед неотвратимостью судьбы отмечает Ф. Шеллинг. Он выводит сущность комического из взаимодействия необходимости и свободы, а именно из переворачивания их первоначального соотношения. Шеллинг приводит примеры комических ситуаций, построенных на приёме переворачивания: когда жена и муж меняются функциями, когда жадному приходится быть расточительным и пр. «Высшая точка» такого рода отношений находится там, где «вскрывается общая противоположность свободы и необходимости». Подобное переворачивание, однако, является неестественным. В комедии необходимость представляется «видимостью свободы», но при этом объективное действие необходимости сохраняется, и в конце концов, уничтожает мнимую комедийную необходимость. В результате комедия выражает «высшую судьбу» и становится «высшей трагедией» [6].

Понимание смешного как чувственно созерцаемого бесконечного безрассудства в противовес возвышенному можно найти у Жан-Поля. При этом смешное, как и возвышенное «никогда не обитает в объекте, но всегда обитает в субъекте». Комическое Жан-Поль понимает как наслаждение свободного и раскованного рассудка [7].

К категории комического и к понятию иронии в разных разделах своей «Эстетики» обращается и Г.В.Ф. Гегель. К области комического Гегель относит «всё, что уничтожает себя, есть нечто в самом себе ничтожное, представляет ложное и противоречивое явление». Объект комического «ничтожен» в силу объективной противоречивости своей природы. Иронию Гегель рассматривает в двух аспектах. Он критикует романтическую иронию за субъективизм, за стремление охватить целостность мира, игнорируя при этом познание объективных законов его развития. Истоки романтической иронии Гегель усматривал в субъективно-идеалистической философии Фихте. Романтическая ирония является неподлинной в силу того, что иронизирующий наделяет объект иронии ничтожными качествами произвольно, руководствуясь своим субъективным капризом. В то же время, Гегель утверждает наличие «подлинной иронии», которая имеет место только в том случае, когда её объект изначально содержит в себе возможность насмешки над ним.

Однако, по Гегелю, одного только ничтожества как отсутствия субстанциальности ещё недостаточно для возникновения комического: не всякое действие, лишённое субстанции, комично уже из-за своего ничтожества. Смешно может быть всякий контраст существенного и его явления, цели и средств, противоречие, благодаря которому явление снимается в самом себе, а цель в своей реализации упускает себя. Комическому свойственна бесконечная благожелательность и уверенность в своём безусловном возвышении над собственным противоречием, а не печальное и горестное его переживание. Только морально оправданный, благожелательный смех подпадает под гегелевскую категорию комического.

Комическое, по Гегелю, связано с определённой стадией развития явления, когда оно перерастает самоё себя и возникает потребность обратиться против того содержания, которое одно до сих пор обладало значимостью. Так, Аристофан восстал против своего времени, Лукиан — против всего греческого прошлого, а в Италии и Испании на исходе средних веков Ариосто и Сервантес начали выступать против рыцарства [8].

Смешное как, прежде всего, гносеологическое, интеллектуальное явление предстаёт в работах А. Шопенгауэра, а именно в двух томах его произведения «Мир как воля и представление». Согласно Шопенгауэру, смех всегда возникает не из чего иного, как из неожиданного осознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-либо отношении мыслились в этом понятии, — и сам он служит лишь выражением такого несовпадения. Границы смешного у Шопенгауэра обусловлены ложностью и иллюзорностью человеческих представлений. К важным характеристикам смешного Шопенгауэр относит парадоксальность смеха и неожиданность его обнаружения в человеческом сознании. Парадоксальность состоит в несовпадении реального объекта феноменальной действительности и его мыслительного понятия. Важную роль в выявлении парадоксального играет фантазия. Чем яснее выражено парадоксальное, тем сильнее эффект смешного.

Смешное, по Шопенгауэру, обнаруживает иллюзорность человеческого познания, поскольку возникает там, где наглядные представления не соответствуют абстрактным, и наоборот. В то же время смешное привязано к сознанию, к рефлексии, к способности оперировать понятиями. Шопенгауэр выделяет два рода смешного: смешное в мысли (переход от реального к понятию при раскрытии их несовпадения) и смешное в поступке (несовпадение при переходе от понятия к реальному).

Разновидностями смешного в мысли, или остроу, являются двусмысленность, шутка, пародия, «ассоциация идей». К сложным формам смешного Шопенгауэр относит юмор и иронию. Если шутка прячется за серьёзное, то получается ирония, а юмор — это серьёзное, спрятанное за шуткой. Ирония объективна и рассчитана на других, а юмор субъективен и рассчитан на собственное «Я» человека. Юмор связан с возвышенным и глубоким пониманием жизни, он требует полной духовной свободы [9].

Ещё одной значимой работой, посвящённой философскому осмыслению проблемы смеха стала работа А. Бергсона «Смех». В этой работе Бергсон пытается вывести универсальную формулу комического, или смешного (данные понятия выступают у него как тождественные). Смех, по Бергсону, возникает там, где живое скрывается под слоем механического. Материя тяготеет к инертности, к автоматизму и противостоит духу как источнику жизни. В основе смешного лежит противоречие между живым духом и костной материей.

По Бергсону смех обладает социальным характером, т.е. возможен только в человеческом коллективе, когда разум одного человека общается с разумом других людей. Кроме того, невозможно смеяться, переживая сильные эмоции (жалость, сочувствие и пр.). Бергсон указывает на социальную функцию смеха: он является наказанием людям, которые не могут приспособиться к данному обществу, т.е. демонстрируют косность и автоматизм, отсутствие гибкости в приспособлении. Косность может содержаться не только в самой личности, но и во внешних обстоятельствах (например, смех может вызвать падение нечаянно оступившегося человека).

Бергсон выделяет три основных источника получения смешного. Во-первых — это неловкое подражание гибкости жизни. Примером здесь может служить отклонение от общепринятого, например, от моды (экстравагантность, чудачество в одежде). Во-вторых, источником комизма может выступать тело как стесняющая оболочка для души, проявление физической стороны человека, когда речь идёт о его моральной стороне. Например, оратор, чихающий в самый патетический момент своей речи. В-третьих, смех может быть вызван мгновенным превращением личности в вещь. К примеру, мы смеёмся над Санчо Пансой, которого подбрасывают как мячик, над клоунами, колотящимися друг друга по голове и т.п. [10].

Основоположник психоанализа, Зигмунд Фрейд, развивал традицию психологической интерпретации комического. Фрейда, главным образом, интересовал психологический аспект удовольствия от комизма. В концепции Фрейда наибольший интерес представляет анализ двойственной природы комического, остроумия, юмора. Остроумие, по Фрейду, направлено на то, чтобы логически верную мысль выразить логически неверным способом. Осознание этого контраста доставляет смеющемуся удовольствие. К удовольствию от техники остроумия добавляется удовольствие от реализации через смех подсознательных влечений, которые за фасадом остроумия скрываются от социальных, культурных, этических цензоров. В результате устранения необходимости подавления подсознательных влечений (агрессивных или сексуальных) происходит экономия психической энергии, составляющая основу подобного удовольствия [11].

Классиками марксизма комическое рассматривалось как выражение противоречивости общественного развития. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, сами объективные законы исторического развития

содержат в себе основу комического. В отличие от Гегеля, который ограничивал сферу комического рамками искусства, К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что комическое существует в самой действительности. На уровне отдельного разума комическое проявляется в способности осознать противоречие и приблизиться к его разрешению. На уровне общественно-исторического процесса комическое знаменует фиксацию объективного противоречия и является первым шагом на пути к его разрешению. По словам Маркса, последний фазис всемирно-исторической формы есть её комедия. Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым [12].

Энгельс, вслед за Гегелем, рассуждает об иронии всемирной истории. Ирония всемирной истории ставит всё вверх ногами. Ирония истории сокрушает планы и иллюзии людей, поскольку конечный результат их деятельности всегда непредсказуем, а то и вовсе противоположен намечавшимся целям. Гегель связывал иронический ход исторических событий с действием «мирового разума». Это означает, что люди в своей деятельности преследуют собственные цели, однако на общественно-историческом уровне результат их действий определяется волей «мирового разума».

В марксистской философии «комическое» определяется как несоответствие между несовершенным, отжившим, неполноценным содержанием явления или предмета и его формой, претендующей на полноценность и значимость, между важным действием и его несовершенным результатом, высокой целью и негодным средством. Обнаружение и раскрытие этого несоответствия порождает чувство комического. Комическое всегда смешно — в этом состоит особенность его восприятия. Вместе с тем, в отличие от смешного, комическое имеет широкий социальный и общественный смысл, связано с утверждением положительного эстетического идеала.

Для нас во всех вышеприведенных концепциях «смеха» важен один универсальный момент — смех всегда направлен на определённое противоречие (между идеалом и реальностью, свободой и необходимостью, формой и содержанием, мыслью и чувством и пр.). Человеческая жизнь не мыслится вне противоречий. Здесь уместно вспомнить концепцию А. Гелена, согласно которой человек выступает «биологически недостаточным» существом, поскольку он лишается возможности вести естественное существование, свойственное представителям животного мира. Человек становится «незавершенным» существом, поскольку у него ослабевают инстинкты, он «выпадает» из животно-биологической организации и утрачивает гармонию существования. Согласно Гелену, культура (в самом широком смысле этого слова — как противоположность природе), общество и его институты восполняют биологическую недостаточность человека. Однако, взамен биологической гармонии, культура и общество предлагают человеку мир, насквозь пронизанный противоречиями, согласовать которые человеческому разуму оказывается не под силу [13].

Современный американский философ Саймон Кричли в своей книге «О юморе» очень удачно формулирует суть «философского» смеха, являющегося феноменом человека и выражающего предельное осознание парадоксальности человеческого бытия. «На мой взгляд, именно в такой улыбке — осмеивающей богатство и бедность, радость и скорбь, величие и унижение как составляющие человеческого бытия — заключена сущность юмора. Это и есть *risus pigrus*, наивысший смех, смеющийся над самым смехом, смеющийся над несчастьем, горький смех <...> Однако такой смех не делает человека несчастным, а скорее — возвышает и освобождает, дарует ясность успокоения. Именно поэтому, мы — меланхоличные животные, человеческие существа — излучаем наибольшее веселье. Мы улыбаемся, осознавая, насколько мы смехотворны. В нашем ничтожестве — наше величие» [14, с. 111].

Там, где разум человека оказывается бессильным перед абсурдным миром, ему на помощь приходит смех. Речь идёт об особом смехе, наивысшем, *risus pigrus*. Такой смех в человеческом обществе становится средством защиты от несовершенства мира, где серьёзное отношение к его парадоксам равносильно гибели. Такой смех всегда умен и грустен, поскольку мысль фиксирует изначальную трагичность человеческого бытия. Однако, человек способен осознать противоречивость и абсурдность своего существования при помощи смеха.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Сочинения в четырёх томах. Том 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 645-680.
2. Платон. Пир // Сочинения: в 3 тт. / Пер. с древнегреческого. — Том 2. — М.: Мысль, 1970. — С. 95-156.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. — М.: Аст; Харьков: Фолио, 2000. — 878 с.
4. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в 6-ти тт. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1966. — Т.5. — С.160-528.
5. Шлегель Ф. Критические фрагменты // Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2-х тт. — Т.1. — М.: Искусство, 1983. — С. 280-289.
6. Шеллинг Ф. Философия искусства. — М.: Мысль, 1966. — 496 с.
7. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики / Пер. с нем. — М.: Искусство, 1981. — 448с.
8. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х тт. — Т.3. — М.: Искусство, 1970. — 618с.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 5-ти тт. — Т. 1. — М.: Московский клуб, 1992. — 395с.
10. Бергсон А. Смех. — М.: Искусство, 1992. — 127с.
11. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. — СПб: Алетейя, 1998. — 309с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: 2 изд. — Т.22. — М.: Политиздат, 1962. — 804с.
13. Филиппов А.Ф. Гелен Арнольд // Современная западная социология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 61-62.
14. Critchley, Simon. On Humour. — London and New York: Routledge, 2002.

Панкова Л. О. Сміх як феномен буття людини: досвід філософського аналізу. – Стаття.

Анотація. В статті здійснюється спроба виявлення сутності сміху як феномену людського існування шляхом аналізу філософської традиції вивчення категорії комічного. Автор статті спирається на теоретичне осмислення категорії комічного в концепціях таких мислителів як Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Шопенгауер, Бергсон, Маркс та ін.

Ключові слова: сміх, комічне, іронія, гумор, свідомість, буття людини, буття суспільства.

Pankova L. O. Laugh as a phenomenon of human being: trial of philosophic analysis. – Article.

Summary. The article is a trial of revealing the essence of laugh as a phenomenon of human being via studying the philosophical tradition of analyzing the category of comic. The author is guided by the understanding of the category of comic given in conceptions of such philosophers as Plato, Aristotle, Kant, Hegel, Shopengauer, Bergson, Marx and others.

Key words: laugh, comic, irony, humor, consciousness, human being, social being.